

С. В. Добряков

ТУРГЕНЕВ И АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ В ТВОРЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Рассматриваемый в данной работе период биографии К. Н. Леонтьева (1831—1891) относится к началу 1850-х годов. В то время будущий писатель и религиозный мыслитель изучал медицину в Московском университете и работал над своими первыми художественными произведениями. В 1851 году Леонтьев познакомился с И. С. Тургеневым, пользовался его советами и поддержкой. Эти события отражены в автобиографическом очерке Леонтьева «Мои дела с Тургеневым и т. д. (1851—1861 г.)» (1874, 1886—1887, частично опубликован в 1888 году под заглавием «Тургенев в Москве. 1851—1861 гг.»; полностью — в 1913). Там же Леонтьев описал, как формировались его собственные взгляды на литературу. Речь идет о процессе, отмеченном неоднородными влияниями.

В период с середины апреля по май 1851 года Леонтьев показал Тургеневу рукопись своей комедии «Женитьба по любви» (текст утрачен).¹ В связанных с этим событиях важную роль играл друг Леонтьева Алексей Иванович Георгиевский. (Его фамилия в тексте очерка «Мои дела с Тургеневым и т. д.» зачастую приводится сокращенно: «Г—ий».) По воспоминаниям Леонтьева, он «был тоже студент, двумя годами старше <...>; сын очень бедного и многосемейного чиновника из <...> Боровска <...> Калужской губернии». «Он был для меня тем, — писал Леонтьев, — чем был Мефистофель для Фауста. Но у него ирония и отрицание происходили не от недостатка поэзии, или идеализма, а скорее от злобы на жизнь, которая не давала ему ничего. Большинство товарищей не обращали на него внимания, считали его просто чудаком; но те немногие, поумнее и поразвитее, с которыми он сблизился, подчинялись немедленно его уму, или лучше сказать смело — его гению».² От-

¹ См.: *Летопись (1818—1858)*. С. 185.

² *Леонтьев К.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., [Б. г.]. Т. 9. С. 71. Далее: *Леонтьев. Соч.* (9), с указанием тома и страницы.

метим, что Георгиевский был на два года моложе Леонтьева. Годы его жизни: 1833—1865 или 1866.³

В первом варианте «Моих дел с Тургеневым и т. д.», озаглавленном «Моя литературная судьба», мемуарист высказался о Георгиевском сложнее: «...он был для меня тем, чем был Мерк для Гёте, Мефистофель для Фауста».⁴ Это заставляет внимательно присмотреться к интересам двух друзей и к характеру их общения. По признанию Леонтьева, он не видел около себя, кроме Георгиевского, «ни одного человека, с которым бы <...> мог так много, так свободно и так „современно“, как говорится, рассуждать о Пушкине и Гомере, о Гоголе и Белинском, о любви и дружбе, о вере и безверии, об общих началах науки и поэзии».⁵

Особенно серьезным предметом их бесед была русская литература и ее герои. Леонтьев и здесь считал, что без Георгиевского ему «не с кем будет говорить, о том, например, какая разница в характерах у Онегина, Печорина и Бельтова („Кто виноват?“) и на которого из них лучше быть самому похожим в жизни и т. д.». «Пока я боялся, — продолжал Леонтьев, — что некем будет с этой стороны заменить его — я терпел (манеру общения Георгиевского. — С. Д.)».⁶ Помимо этого, Леонтьев указал, что Георгиевский своими советами и мнениями имел большое влияние на его литературные занятия: «...„Женитьба по любви“ без него не написалась бы».⁷ До того, как Леонтьев показал эту пьесу Тургеневу, Георгиевский выслушал два ее действия в авторском чтении и одобрил их.⁸

Георгиевский советовал другу «найти покровителя» в литературных кругах. Но он предупредил Леонтьева: «Ты смотри однако — всем этим известностям не слишком уж верь. Они тоже ошибаться могут. Не верь им во всем. Верь себе больше, — своему чувству; у тебя талант может выработаться большой. Скажут тебе — это дурно, это хорошо; а ты не слишком верь. Вот хоть бы этот Тургенев, — сам ведь он талант не первоклассный: описания его уж становятся скучны; у гениального писателя картина, заметь, никогда не похожа вполне на жизнь; она или лучше, или хуже жизни. У Гоголя она преднамеренно хуже; а у Тургенева эти „Записки охотника“ так мелочны! Они производят точь-в-точь то впечатление, как сама жизнь. Не поддавайся поэтому вполне никому и иди своей дорогой. Ты можешь много сделать».⁹

В этом монологе выделяется суждение, что «у гениального писателя картина <...> никогда не похожа вполне на жизнь; она или лучше, или хуже жизни». Возможно, его истоки — в статье Гёте «Введение в „Пропилей“» (1798): «Подлинный художник, диктующий законы искусству,

³ См.: Леонтьев. Т. 6. Кн. 2. С. 278.

⁴ Там же. Т. 6. Кн. 1. С. 29.

⁵ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 92.

⁶ Там же. С. 92—93.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 75.

⁹ Там же. С. 76.

стремится к художественной правде, тот же, который не подозревает об этих законах и следует только слепому влечению, стремится к натуральности; первый возносит искусство на его вершину; второй — низводит на самую низкую ступень».¹⁰ Сходное замечание присутствует в диалоге Гёте «О правде и правдоподобию в искусстве» (1798): «...правдивое в искусстве и правдивое в природе не одно и то же и <...> художник ни в коем случае не должен, не вправе даже стремиться к тому, чтобы его произведение казалось новым произведением природы <...>».¹¹ В связи с подобными идеями ясно, почему Георгиевский, найдя, что «Записки охотника» «производят точь-в-точь то впечатление, как сама жизнь», счел это промахом Тургенева, а не его творческой удачей.

Обе приведенные мысли Гёте доводил до сведения русских читателей С. П. Шевырев, разработавший «свое понимание искусства в его „самостоятельной истине“». В связи с этим В. М. Жирмунский заметил: «...излагая Шеллинга и Гёте, Любомудр Шевырев в первый раз на основе немецкого философского и поэтического идеализма формулирует доктрину „искусства для искусства“ <...>».¹² Георгиевский, похоже, был знаком с этой точкой зрения и старался привить ее Леонтьеву, начинающему автору. В дальнейшем, когда Леонтьев вошел в московские литературные круги начала 1850-х годов, он выделил суждения М. Н. Каткова и Е. М. Феофтистова о творчестве Тургенева, которые по существу совпали с оценками Георгиевского.¹³

В русло описанного восприятия искусства также укладывается совет И.-Г. Мерка, адресованный Гёте: «Твое стремление <...> твоя заветная цель — воссоздавать действительность в поэтическом образе, они же, напротив, хотят претворить в действительность то, что им представляется поэтичным, то есть плод воображения, а из этого ничего, кроме чепухи, не получается». Это замечание Гёте привел в книге «Из моей жизни. Поэзия и правда» (Ч. 4. Кн. 18).¹⁴ Оно и могло навести Леонтьева на сопоставление Георгиевского с Мерком, а не просто с Мефистофелем, чьим прообразом Мерк послужил.¹⁵

И все же, познакомившись с Тургеневым, Леонтьев «задумал впервые и решил прервать, наконец, все сношения с Алексеем Георгиевским».¹⁶ Он пояснил причину разрыва следующим образом: «...как только Тургенев признал во мне талант, я понял, что *теперь* я в силах буду найти себе и помимо Г—го собеседников „наивысшего порядка“ и что мой самодовольно-ядовитый и без достаточной причины придиричивый товарищ мне уж не так необходим для умственной жизни, как я

¹⁰ Гете. Т. 10. С. 41 (Пер. С. Герье).

¹¹ Там же. С. 61 (Пер. Н. Манн).

¹² Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Изд. 2-е. Л., 1982. С. 145, 129—130.

¹³ См.: Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 76—77; Леонтьев. Т. 6. Кн. 1. С. 35.

¹⁴ Гете. Т. 3. С. 610 (Пер. Н. Манн).

¹⁵ Отметим, что Тургенев также одобрил данную мысль Мерка в письме к В. П. Боткину от 25 ноября (7 декабря) 1856 г. (ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 153).

¹⁶ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 90.

с полгода тому назад воображал». ¹⁷ По поводу этого решения Ю. П. Иваск отметил: «Молодой Леонтьев легко поддавался влияниям <...>». ¹⁸

Но Леонтьев не подчинился влиянию Тургенева безоговорочно. Герои писателя и даже его личность были подвергнуты той «эстетической придирчивости», которую Леонтьев предъявлял, по его выражению, «к другим». ¹⁹ Поздней осенью 1851 года ²⁰ он признался Тургеневу: «Не знаю, что это на меня действует: медицинские ли занятия развивают во мне потребность какого-то сильного физиологического идеала или этого требуют мои художественные наклонности (я ведь и рисую самоучкой, кажется, недурно), только я ужасно люблю смотреть на людей сильных, здоровых, красивых; я когда шел к вам в первый раз, ужасно боялся, что найду вас похожим или на вашего чахоточного „Лишнего человека“, или, еще хуже, на „Щигровского Гамлета“. Лишний человек хоть на дуэли с князем Н. дрался и даже ранил его; а Гамлет ваш только табак нюхает! Это ужасно! И когда я увидал, что вы такой большой и здоровый — я очень обрадовался. Особенно не люблю, когда литераторы с виду плохи, — так мне это тяжело и грустно...». ²¹

Тургенев своим видом дал понять Леонтьеву, что подобный разговор неуместен. «Но побуждение его, — отметил Леонтьев, — осталось для меня и теперь загадкой». ²² Чуть раньше мемуарист даже связал реакцию Тургенева с плохим состоянием его здоровья. При этом Леонтьев допустил и ложную скромность собеседника: «...или, напротив того, речь моя ему так сильно понравилась, что он нашел нужным скрыть от меня свое удовольствие...». ²³

У этой «речи» есть предыстория. Еще до знакомства с Тургеневым Леонтьев остро отреагировал на «Дневник лишнего человека». Ему

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 2. С. 267. Далее сокращенно: *Иваск*, с указанием страницы.

¹⁹ *Леонтьев. Соч. (9)*. Там же. С. 102. Об отношениях Леонтьева и Тургенева как об одной из тем истории русской литературы второй половины XIX в. см.: *Коноплянцев А.* Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 19—27, 43, 99; *Иваск*. С. 275—276, 280—282, 291, 302—304; *Рабкина Н. А.* Литературные уроки (Тургенев и Константин Леонтьев — история взаимоотношений) // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 124—132; *Жидкова С. Л.* Тургенев и К. Леонтьев // Тургениана. Сб. ст. и материалов. Орел, 1999. Вып. 2—3. С. 118—128; *Кузнецова И. Д.* «Знакомый вам провинциал» // Тургеневский сборник. М., 2004. Вып. 2. С. 52—66; *Добряков С. В.* Ранние сочинения К. Н. Леонтьева в оценках И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2004 года. Орел, 2006. С. 116—132; *Его же.* Константин Леонтьев как прототип героев И. С. Тургенева // Тургеневский сборник. Вып. 3. М., 2006. С. 366—377.

²⁰ Возможно, в период с середины октября до начала ноября. См.: *Летопись (1818—1858)*. С. 187—188.

²¹ *Леонтьев. Соч. (9)*. Т. 9. С. 106.

²² Там же. С. 107.

²³ Там же. С. 106.

«показалось», что Тургенев «угадал *меня*, не выдавши *меня* никогда. <...> Я закрывался книгой в углу и плакал».²⁴

«Речь» Леонтьева близка к оценке «Дневника лишнего человека», прозвучавшей в обзоре «Отечественные Записки в 1850 году» журнала «Москвитянин» (1851. № 1. Кн. 1. [Без подп.]). Вот некоторые фрагменты обзора: «Г. Тургенев поместил <...> „Дневник лишнего человека“. <...> лицо, выводимое автором <...> не новость <...>. Мы уже познакомились с этим типом в „Гамлете Щигровского уезда“ <...> полнее и короче. — И там нас остановило стремление г. Тургенева представить в одном лице современное болезненное развитие в крайней степени <...>; но там некоторая уродливость героя спасалась <...> комическим направлением рассказа; здесь же, когда автор очевидно старается возбудить участие к своему герою, как-то тяжело и неприятно видеть, вместо живого лица, крайнее олицетворение современного недостатка, встречаемого во многих людях. — Все, что мы сказали до сих пор, относится <...> вообще к не совсем художественному направлению — представлять в одном лице <...> черту, развитую до последней крайности. Обыкновенно при этом жертвуется целостью лица ради вмещения в него <...> подмеченных в самом себе и в других черт. В отношении наблюдательности г. Тургенев явился таким же художником в „Дневнике лишнего человека“, как и в своих прежних произведениях. Есть черты, <...> до того глубоко выхваченные из души, что вдруг припоминаешь нечто подобное и в своей собственной душе, и во множестве других людей. Нещадным анализом автор преследует часто какое-нибудь душевное движение до последней глубины и мелочности, поражая вас своим знанием человека. Только когда уже прочтете весь „Дневник“, заметите, что из всех черт <...> не слагается одного живого образа, и произведению недостает той оконченности и замкнутости, которая есть главное достоинство произведений вполне художественных».²⁵ Как и Леонтьев, анонимный автор обзора сопоставил «Дневник лишнего человека» с «Гамлетом Щигровского уезда». Их герои восприняты сходно, хотя Леонтьев видел в Чулкатурине и положительные черты.²⁶

Разница состоит в том, что автор обзора говорит о «болезненном развитии» тургеневских персонажей как о морально–психологическом факторе («олицетворение современного недостатка, встречаемого во многих людях»). А молодой Леонтьев смешал физическое нездоровье с моральным. Впоследствии такой подход развился у него в тенденцию.

Чьему же перу мог принадлежать обзор? Произведения Тургенева в 1851 году часто разбирались на страницах «Москвитянина». Известно,

²⁴ Там же. С. 72. Здесь повесть ошибочно названа «Записки лишнего человека»; видимо, речь идет о первой публикации в ОЗ (1850. № 4). Эта реакция присутствует в ретроспективе жесткого суждения о фигуре Чулкатурина, высказанного Тургеневу напрямую.

²⁵ *Москв.* 1851. № 1. Кн. 1. С. 136—137.

²⁶ *Леонтьев. Соч.* (9). Т. 9. С. 106.

что ведущим критиком этого журнала был А. А. Григорьев. Нет оснований игнорировать вопрос о его возможном авторстве.

Аполлон Григорьев присутствует в леонтьевской мемуаристике наряду с Тургеневым. Недаром первый мемуарный (и в то же время автобиографический) очерк Леонтьева, дошедший до нас, озаглавлен: «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» (1869, опубликован в 1915). В нем автор с первых же строк отметил: «... в первой моей молодости я читал его (Григорьева. — С. Д.) статьи в „Москвитяине“ и сам тогда не знал, верить ли ему или нет? Слог его я находил смутным и странным; требования его казались мне слишком велики. — По критической незрелости моей я тогда был поклонником „Записок охотника“ и мне казалась возмутительной строгость, с которой Григорьев относился к 1-м произведениям Тургенева». ²⁷ В комментарии указано: «Речь идет о статьях „Русская литература в 1849 году“ (Оз. 1850. № 1), „Русские журналы в текущем году“ (М. 1851. № 5) и отзывах на рассказы из „Записок охотника“ (М. 1852. № 2 и др.)». ²⁸ Возможно, есть основания добавить к этим статьям обзор «Отечественные Записки в 1850 году».

Согласно библиографическим сведениям, собранным Б. Ф. Егоровым, в 1850 году Григорьев сотрудничал в «Москвитяине» эпизодически и анонимно. В 1851 году он напечатал там тридцать пять статей и рецензий, преимущественно под криптонимом «Г.» ²⁹ Сопоставим названный выше анонимный обзор со статьями, уже атрибутированными А. Григорьеву.

В обзоре «Современник в 1850 году» Григорьев писал: «Ведь у г. Тургенева видно, что этот болезненный юмор взят не напрокат, куплен не дешево — он добросовестен, часто этот юмор доходит до горькой иронии над самим собою, и в этом отношении мы уважаем даже такие произведения г. Тургенева, которые с художественной стороны осудить можно, как, например: „Гамлет Щигровского уезда“». ³⁰ Можно заметить, что приведенное суждение о рассказе близко его оценке в обзоре «Отечественные Записки в 1850 году» по нескольким пунктам. Во-первых, выделено сочетание «болезненности» и комических начал; во-вторых, причиной художественной неудачи Тургенева названо его чрезмерное внимание к несущественным чертам: «многому в сущности неважному или случайному придано значение типического под влиянием известного настроения души, известного направления мышления». ³¹ В то же время в обоих откликах присутствует высокая оценка тургеневского психологизма.

²⁷ Леонтьев. Т. 6. Кн. 1. С. 7.

²⁸ Там же. Т. 6. Кн. 2. С. 264.

²⁹ См.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. Библиография критики и художественной прозы Ап. Григорьева // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 229—230.

³⁰ Москв. 1851. № 3. Кн. 1. С. 386.

В статье «Отечественные Записки в 1850 году» говорится, что «Дневнику лишнего человека» не хватает «оконченности». Григорьев использовал этот термин еще в статье «Русская литература в 1849 году». Разбирая тогда ранние пьесы Тургенева, критик находил, что в «Холостяке» «нет той оконченности и того тонкого очертания характеров», которые присущи «Где тонко, там и рвется».³²

Теперь эта претензия выдвинута снова: «За исключением весьма немногих из „Записок охотника“, мы знаем у г. Тургенева только одно сочинение, которое отличается оконченностью. Это — небольшая комедия „Где тонко, там и рвется“».³³

Очевидно, во всех трех случаях речь идет об эстетической завершенности характеров. Таким образом, в приведенных трех откликах несомненно присутствие сквозных мотивов и определений.

Григорьев осудил и рассказ «Свидание»: «Вольно же автору <...> принимать частное и случайное за что-то типическое!.. Болезненный юмор уместен в изображении Гамлета Щигровского уезда, но крайне неуместен здесь. Это тем более достойно сожаления, что в других случаях г. Тургеневу удавалось же стряхивать с себя гнет болезненного взгляда и являлись же у него лица вроде Овсяникова, Хоря и Калиныча, Сучка, Чертопханова, цыганки Маши».³⁴ Данная оценка заметно переключается с прежними наблюдениями критика над комической природой «Гамлета Щигровского уезда».³⁵

Приведенные параллели можно считать косвенными доказательствами принадлежности Григорьеву обзора «Отечественные Записки в 1850 году». Не выяснено, знал ли Леонтьев, кому принадлежал этот обзор, а равно статьи и рецензии в «Москвитянине» за 1851 год. Но, видимо, одна из упомянутых публикаций привлекла внимание небольшого леонтьевского круга.

В обзоре «Современник. 1851 г. № 2-й. Февраль» Григорьев порицал рассказ «Бежин луг»: «...эта живопись, не давая на себе сосредоточиться взгляду, не предоставляя ему, так сказать, никаких точек отдохновения, разливаясь в утонченных чертах — утомляет вас. <...> „круглые высокие облака, золотисто-серые с нежными — белыми краями“, — которые „подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, не трогаются с места“ <...> несмотря на всю свою верность природе, живопись поражает вас довольно неприятною изысканностью, отсутствием того непосредственного наития, которое одним взмахом кисти творит целый, полный образ. <...> черты самые верные становятся <...> иногда изысканными <...> сравнения самые

³¹ Там же. С. 387.

³² См.: ОЗ. 1850. Т. 68. № 1—2. Отд. V. С. 18. О принадлежности статьи Григорьеву см.: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. С. 221.

³³ Москв. 1851. № 3. Кн. 1. С. 387.

³⁴ Там же. С. 390.

³⁵ Там же. № 1. Кн. 1. С. 136—137; № 3. Кн. 1. С. [386].

меткие кажутся вычурными».³⁶ В очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.» содержится эпизод, который напрямую напоминает об этих замечаниях.

В сентябре 1851 года А. И. Георгиевский говорил Леонтьеву: «вот, например, этот „Бежин луг“. К чему эти подробные описания всех этих облаков утром... Помнишь?.. уж больно густо!». Затем он перешел на иронические реплики по адресу Тургенева.³⁷ Леонтьев остановил своего друга, после чего тот отозвался о повестях В. А. Соллогуба: «... и простота, и художественность настоящая... <...> А у Тургенева все какие-то штучки, вроде комизма или юмора — как будто что-то и гоголевское... Да куда! <...> Я думаю, он никогда не будет даже в силах написать длинную и серьезную вещь. Вот Писемский — хоть твоей, так сказать, женственности, „Тюфяк“ его и противен <...> скорее Тургенева создаст объективное и сложное произведение...».³⁸

Григорьев и Георгиевский едва ли случайно сошлись во взглядах на «Бежин луг». Но Георгиевский мог ориентироваться не только на мысли критика «Москвитянина». Его оценка творчества Соллогуба могла быть навеяна статьей В. Г. Белинского «Русская литература в 1842 году» (1843): «Простота и верное чувство действительности составляют неотъемлемую принадлежность повестей графа Соллогуба. В этом отношении теперь, после Гоголя, он первый писатель в современной русской литературе».³⁹

Для Георгиевского Соллогуб и Гоголь в 1851 году определяли некий уровень творческих достижений, до которого тогда, как он считал, не мог подняться Тургенев. Зато на серьезные удачи был способен А. Ф. Писемский. Георгиевский говорил и Леонтьеву: «Даже *вы*, молодой автор, *вы*, я полагаю, скорее Тургенева способны сочинить сложный план большого романа... Конечно, надо стараться...».⁴⁰ Но он посоветовал мемуаристу избавиться от эгоцентризма и процитировал свою эпиграмму «на другого нашего товарища, лирического стихотворца».

Леонтьев привел текст эпиграммы:

Ты многого не понимаешь,
И многого, быть может, не поймешь!

³⁶ Там же. № 6. Кн. 2. С. 279.

³⁷ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 93.

³⁸ Там же. С. 93—94.

³⁹ Белинский. Т. 6. С. 536. В этой же статье Белинский так характеризовал особенности прозы Соллогуба: «Отличительный характер повестей графа Соллогуба состоит в чувстве достоверности, которое охватывает всего читателя, к какому бы кругу общества ни принадлежал он, если только у него есть хоть немного ума и эстетического чувства; читая повесть графа Соллогуба, каждый глубоко чувствует, что изображаемые в ней характеры и события возможны и действительны, что они — верная картина действительности, как она есть, а не мечты о жизни, как она не бывает и быть не может» (Там же. С. 535). Похвалы Георгиевского по адресу Соллогуба отчасти связаны с повестью «Аптекарьша» (см.: Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 93—94).

⁴⁰ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 94.

Ты только то порядочно поешь,
Что сам в себе лишь замечаешь.⁴¹

Беседа кончилась тем, что Леонтьев, возмущенный отзывами Георгиевского о Тургеневе, как уже упоминалось, порвал с ним отношения. Но, видимо, до Леонтьева в разное время доходили сведения о судьбе его бывшего товарища. Этим объясняется упоминание о самоубийстве Георгиевского, впервые попавшее в 1870-е годы в текст «Моей литературной судьбы»: «Он *отравился* в 65 или 66 году».⁴² Впоследствии эта дата была конкретизирована. В «Моих делах с Тургеневым и т. д.» Леонтьев указал, что Георгиевский погиб в 1866 году.⁴³

Если от подобных биографических фактов вернуться к идеям Георгиевского, то его точка зрения на возможности Писемского заставляет вспомнить уже статью Григорьева «Русская литература в 1851 году» (1852). «Г. Писемскому дана новая манера в изображении действительности, но не дано сказать о ней никакого нового слова. <...> Автор „Тюфяка“ глубоко всматривался в действительность, но, отдаваясь ей вполне <...>, он, может быть, сам не видит того, что находится под ее гнетом <...>. В г. Писемском дорожим мы его непосредственным отношением к действительности, и это отношение, в соединении, конечно, с его яркою манерою, ставит его в глазах наших выше всех других современных деятелей литературных; но не от него ждем мы этого нового, сильного слова... От кого именно ждем мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: „Бедная невеста“ предстоит суду публики...».⁴⁴

А. Н. Островский и его комедия «Бедная невеста» (1851, опубликована в 1852) олицетворяют для Григорьева ту же степень мастерства, что Соллогуб или Гоголь для Георгиевского. Притом Григорьев и Георгиевский ставят Писемского выше других авторов, но находят, что эта высота условна. Таким образом, Георгиевский частично предвосхитил мнения Григорьева за несколько месяцев до публикации статьи, где они отражены, что свидетельствует, несомненно, в пользу приятеля Леонтьева.

В очерке «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» Леонтьев описал свои впечатления от статьи «Русская литера-

⁴¹ Там же. Имя «лирического стихотворца» — Яков Данилев. В альбоме Леонтьева (РГАЛИ) содержатся образцы его творчества, в том числе и стихотворение, обращенное к владельцу альбома. «В этот же альбом Л<еонтьев> переписал и стихотворение А. Георгиевского „Тихая лагуна“, датированное 3 ноября 1850 г.» (См.: Леонтьев. Т. 6. Кн. 2. С. 577). Факты выступлений Георгиевского в печати под своим именем не установлены. Среди литераторов, работавших под псевдонимами, Алексей Иванович Георгиевский также не фигурирует (см.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 124, 556).

⁴² Леонтьев. Т. 6. Кн. 1. С. 29.

⁴³ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 71. Проблема отношений Георгиевского с Леонтьевым анализировалась Ю. П. Иваском (см.: Иваск. С. 266—268). Биография Георгиевского в целом, видимо, заслуживает отдельного исследования.

⁴⁴ Григорьев А. Соч. / Изд. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. Т. 1. С. 43—44.

тура в 1851 году»: «Я не понимал, напр<имер>, тогда ясно — почему Григорьев, отдавая справедливость дарованию Писемского, столь сильно предпочитает ему Островского. — И в том, и в другом я видел лишь комизм. — Я не умел тогда понять, что Островский более *положительный* писатель, чем Писемский, что положительность его особенно дорога своим реализмом <...>». ⁴⁵ Впоследствии Леонтьев согласился с оценками Григорьева, в которых он не сразу разобрался.

Со временем Леонтьев переоценил и «жестокий критический поход на Тургенева», предпринятый Георгиевским в сентябре 1851 года. В очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.» автор признался: «Каково было мое удивление, когда *лет через десять, если не более*, я начал вдруг находить, что этот сын бедного боровского „приказного“, ничего кроме калужской гимназии прежде не видавший, незнакомый вовсе с иностранными языками, *несравненно* менее меня с ранних лет начитанный <...>, был, если не во всем и не совсем, то *почти* все-таки прав в своей строгой художественной оценке!». ⁴⁶

Леонтьев воспроизвел суждения Григорьева и Георгиевского без поправок на значимость одного и безвестность другого. Напомним, что он аналогично сблизил взгляды Георгиевского, Каткова и Феокистова в «Моей литературной судьбе», затем в «Моих делах с Тургеневым и т. д.». ⁴⁷ Так постепенно раскрывается панорама мнений, среди которых Леонтьев ориентировался. Важную часть ее составляют оценки литературного процесса, принадлежащие Тургеневу.

Тургенев советовал Леонтьеву читать и изучать Пушкина и Гоголя, из прозаиков же 1840-х годов позднее рекомендовал ему И. А. Гончарова. Он «очень хвалил» повесть Евг. Тур «Ошибка», неоднократно порицал по разным причинам Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, Ф. М. Достоевского. ⁴⁸ Тургенев критически отзывался и о себе. ⁴⁹ Все эти наставления приведены в «Моих делах с Тургеневым и т. д.». Судя по контексту, они относятся к поздней осени 1851 года. Леонтьев писал и о своей реакции на них.

«Мне именно около того времени Лермонтов, более резкий, более страстный и мрачный, стал больше нравиться, чем светлый и примиряющий Пушкин. *Все, что я встречал у Пушкина, мне в то время стало казаться слишком легким, как будто поверхностным и чересчур уже известным и простым.* Это случается, впрочем, со многими другими неопытными и сильно все чувствующими молодыми людьми. Их

⁴⁵ Леонтьев. Т. 6. Кн. 1. С. 7; Кн. 2. Коммент. С. 264.

⁴⁶ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 94—95.

⁴⁷ В «Моих делах с Тургеневым и т. д.» Леонтьев, несмотря на некоторую иронию, прибегнул к столь же характерной параллели: «...сколько бы ни восхваляли „Мертвые души“ и Тургенев, и Белинский, и сам Георгиевский...» (Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 112). До этого он указал, что его верному пониманию «Мертвых душ» способствовали «Белинский своими статьями и Георгиевский своей изустной критикой» (Там же. С. 108).

⁴⁸ См.: Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 107, 111—114.

⁴⁹ Там же. С. 107, 112.

потребности сильного, *раздирающего душу* впечатления от поэзии не скоро удовлетворишь». ⁵⁰ Далее Леонтьев признался: «Авторитет Тургенева, не обративши меня сразу, конечно, заставил меня, однако, опять задумываться над этим Пушкиным, который не более как года за два до этого царил еще над всеми поэтами в отроческом сердце моем. Неиспорченное еще, полудетское чувство было вернее всех изысканных утонченностей позднейшего моего вкуса, который и после еще долго не мог возвратиться на правильный путь». ⁵¹

«Светлый и примиряющий Пушкин» видится основной опорой, на которую Тургенев указывал Леонтьеву. Возможно, он стремился увести дебютанта от «мрачной» односторонности, заведомо способной усилиться под влиянием Лермонтова. В этой связи стоит учесть, что Григорьев еще в 1840-е годы сопоставил Тургенева с Пушкиным и Лермонтовым.

Пример такого сравнения встречается в рецензии на «Петербургский сборник» «Вторая пьеса „Сборника“, — отметил Григорьев, — „Помещик“, рассказ в стихах Ив. Тургенева — игривый, живой, блестящий злым остроумием, прямо взятый с почвы действительности. Но местами мелькают в нем задушевные вдохновения автора, его любимые мысли, те же, которые впервые так свежо и благоуханно выразились в его „Параше“. Вообще, должно заметить, что г. Тургенев у нас еще мало оценен; еще не признана самобытность, особенность его направления, чему виною, впрочем, несамобытность его формы, всегда носящей клеймо Пушкина или Лермонтова; с первым роднит его *помещичий* элемент, с другим современные вопросы. Советуем прочесть в особенности его прозаический рассказ в „Сборнике“: „Три портрета“. Рассказ совершенно простой, но в высокой степени художественный, в котором, без всякой претензии, выступает впервые в нашей литературе одно из тех чудных лиц XVIII века, из тех *героев своего времени*, которые носили в душе семена такого же пресыщения жизнью, как и наши, с тем только различием, что они были ослепительнее, величавее наших». ⁵²

Эти мысли Григорьев почти дословно воспроизвел в другой рецензии на «Петербургский сборник», напечатанной в «Финском вестнике». В ней Тургенев оценен как «поэт школы Лермонтова», в котором, однако, «слишком много самобытности». ⁵³ Здесь же Григорьев писал: «Литература наша выражала и выражает, собственно говоря, два направления, которые в наше время ярким образом высказались в *Лермонтове* и *Гоголе* <...> фатализм: вот слово Лермонтова и его школы, и крайнюю гранью этой школы будет сознание всемогущей воли рока, простирающейся до сознания даже бесплодности и невозможности борьбы.

⁵⁰ Там же. С. 107.

⁵¹ Там же.

⁵² Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1846. № 33. 9 февраля. Рубрика «Фельетон полицейской газеты 9-го февраля. Новые книги». [Без подп.]. С. 1.

⁵³ Финский Вестник. 1846. Т. 9. [Отд.] V. «Библиографическая хроника». [Без подп.]. С. 31.

С другой стороны, взгляните на основные стихии природы Гоголя: юмор, желчный до болезненности, юмор презренного (но не презренного) народного пласта; неверие в борьбу, непосредственное, чисто славянское; разоблачение всех явлений и созерцание их в одной только их мелочности, и с другой стороны, жажда новых небывалых размеров бытия <...> Пушкин, гениальный Протей, <...> полный, художественный результат прежней, еще не достигшей самобытности литературы, и в нем не отдельно только, а слитно, совокупно, найдете вы следы двух направлений». ⁵⁴

Григорьев не просто высоко оценил Тургенева, но увидел в нем премника наиболее значимых русских писателей. ⁵⁵ Впоследствии Тургенев указал Леонтьеву среди них на Пушкина, а не на Лермонтова. Отношение к Гоголю заслуживает в этом контексте особого внимания.

Леонтьев «знал, что он (Гоголь. — С. Д.) в Москве, но не имел ни малейшего даже желания видеть его или быть ему представленным, потому что за многое питал к нему почти личное нерасположение. Между прочим и за „Мертвые души“, или, вернее сказать, за подавляющее, безнадежно прозаическое впечатление, которое производила на меня эта „поэма“». ⁵⁶ Указав на это, мемуарист тут же разъяснил логику своего понимания «Мертвых душ»: «Положим, что безукоризненную и вескую художественность этого произведения я уже начинал сознавать; Белинский своими статьями и Георгиевский своей изустной критикой утвердили меня в этом последнем понимании; но что ж мне было делать, если во мне неискоренимо было то живое эстетическое чувство, которое больше дорожит поэзией действительной жизни, чем художественным совершенством ее литературных отражений!». ⁵⁷

Последняя антитеза, как ни странно, переключается с формулами диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855): «...действительная жизнь часто бывает <...> слишком поэтична для поэзии <...> прекрасное — есть жизнь. <...> создания искусства ниже прекрасного <...> в действительности и с эстетической точки зрения». ⁵⁸ Трудно сказать, насколько осознанно

⁵⁴ Там же. С. 24—26. См. атрибуцию обеих рецензий Григорьева на «Петербургский сборник»: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. С. 218.

⁵⁵ Год спустя в статье «Гоголь и его последняя книга» (Ч. 3) Тургенев был охарактеризован Григорьевым как «весьма замечательный поэт» школы Лермонтова (Московский городской листок. 1847. № 63. 18 марта. С. 254 паг. Без подп.). См. атрибуцию: Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. С. 219). В. Д. Глебов, анализируя литературную критику Григорьева конца 1840-х—начала 1850-х гг., выделил у него оценки Тургенева как представителя «трагического», или «лермонтовского» направления в русской литературе, предпринявшего вместе с тем попытки развенчать лермонтовский тип героя. См: Глебов В. Д. Аполлон Григорьев. Концепция историко-литературного процесса 1830-х—1860-х годов. М., 1996. С. 69—70, 100—102.

⁵⁶ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 107.

⁵⁷ Там же. С. 107—108.

⁵⁸ Чернышевский. Т. 2. С. 68, 90, 91. Чернышевский развил этот мотив в авторецензии на свою диссертацию (впервые: Собр. 1855. № 6): «...действительность по красоте своей

ввел Леонтьев «тезис» Чернышевского в свои воспоминания, но во взгляде на творчество Гоголя его позиция была противоположна позиции автора «Очерков гоголевского периода русской литературы».

Леонтьев рассматривал «Мертвые души» как удачную карикатуру на «действительную жизнь». Он заметил: «Ни карикатуры слишком жесткой, ни сатиры, ни комизма с ядовитым оттенком я никогда особенно не любил, а тогда, весь за себя и за других пострадавший, я даже ненавидел все это, — и Тургеневу пришлось напоминать мне о „Тарасе Бульбе“, об очерке „Рим“, о могучей поэзии повести „Вий“, чтобы помирить меня с гением, которого последние и самые зрелые, но злые все-таки и сухие творения („Ревизор“, „Игроки“, „Мертвые души“) почти заслонили от меня все эти другие восхитительные его повести; восхитительные не только по форме, но и по содержанию, по выбору авторского мировоззрения».⁵⁹

В конце 1851 года литературные противники Гоголя получили некий аргумент, на который Леонтьев вполне мог опереться в данных суждениях. Речь идет о статье П. Мериме «Николай Гоголь. „Русские повести“. — „Мертвые души“. — „Ревизор“» (впервые: «Revue des Deux Mondes». 1851. Т. 12. Кн. 4. 15 ноября). В ней Мериме высказался о Гоголе следующим образом: «Его шутки порой приближаются к фарсу, а веселость совершенно незаразительна. Если ему иногда и удастся рассмешить читателя, то все же в глубине души последнего остается чувство горечи и негодования. Это объясняется тем, что гоголевская сатира не исправила общества, а только вызвала в нем гнев». В целом, Мериме признавал за Гоголем большой талант, но приравнивал его к «юмористам английского типа».⁶⁰

выше созданий фантазии, осуществляемых искусством» (С. 106). Заметим, что, сравнивая Георгиевского в «Моей литературной судьбе» одновременно с Мерком и Мефистофелем, Леонтьев мог отреагировать на следующую мысль из «Эстетических отношений искусства к действительности»: «...поэт в отношении к своим лицам почти всегда только историк или автор мемуаров. Само собою разумеется, что всем этим не хотим мы сказать, будто бы каждое слово, произносимое Маргаритой или Мефистофелем, было буквально слышано Гёте от Гретхен и Мерка» (Там же. С. 67).

⁵⁹ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 108.

⁶⁰ Цит. по: Мериме П. Статьи о русской литературе / Изд. подготовил А. Д. Михайлов. Пер. А. К. Виноградова. М., 2003. С. 11. В «Северной пчеле», где была напечатана рецензия на статью Мериме Ф. Булгарина, этот фрагмент был переведен следующим образом: «...его веселость вовсе не сообщительна. Если иногда он заставляет смеяться своего читателя, то всегда, однако ж, оставляет в душе его горечь и негодование, потому что его сатиры не отомстили за общество, а только раздражили его» (Сев. Пчела. 1851. № 277. Среда, 12-го декабря. С. 627. <С. 1105 pag.>). Этот и другие фрагменты статьи Мериме приведены Ф. В. Булгариным в материале «Пчелка. Заметки, выписки и корреспонденция» за подписью «Ф. Б.». Применялся следующий способ цитирования: после перепечатки того или иного фрагмента во французском подлиннике, с указанием номеров страниц «Revue des Deux Mondes», внутри газетного текста давался русский перевод. Такой же способ, чередующийся с пересказом, использован при дальнейшем изложении текста Мериме (см.: Пчелка. Заметки, выписки и корреспонденция. Подпись: «Ф. Б.» // Сев. Пчела. 1851. № 283. Среда, 19-го дек. [С. 1129—1130 pag.]). Булгарин откликнулся на выход в свет статьи Мериме двумя заметками.

Как известно, в письме к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) 1852 года Тургенев оспаривал статью Мериме, указывая на историческое значение творчества Гоголя для русской литературы («он нам открыл нас самих», «он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого»).⁶¹

Неясно, до какой степени точка зрения Тургенева фигурировала в его беседах с Леонтьевым начала 1850-х годов. Но как раз в это время Тургенев вел переписку с начинающим писателем и «напоминал» Леонтьеву о таких произведениях Гоголя, как «Тарас Бульба», «Рим» и «Вий». Мериме же счел «Тараса Бульбу» неправдоподобной вещью, а по поводу «Вия» иронизировал: «Теперь, когда фантастика немецкая немного поизносилась, фантастика казацкая будет прельщать своею новостью, которой главное достоинство состоит в том, что она ни на что не походит». ⁶² Тургенев мог говорить Леонтьеву о «могучей поэзии» «Вия», учитывая это мнение.

По существу, Тургенев вел собеседника к идее двойственности (или переменчивости) таланта Гоголя, которую ранее выдвинул Григорьев: «...хамелеонический гений чародея-поэта то леденит сердце странным, беспощадным анализом природы бедного Акакия Акакиевича, то изумляет дивным, антично-чистым, кистью великих мастеров Италии набросанным, образом Аннунциаты». ⁶³ Эту мысль Григорьев также развил, выступая против суждений Мериме о Гоголе: «Если бы он (Мериме. — С. Д.) почувствовал эти слезы, то не назвал бы, конечно, сатириком — того, кто везде и повсюду является истинным и всесторонним поэтом, равно изображающим и горе Акакия Акакиевича, и красоту Аннунциаты». ⁶⁴ Далее критик возмутился: «Кто бы мог подумать <...> чтобы автор хроники времен Карла IX, так просто и художественно воспроизводящий эпоху, не понял и не оценил „Тараса Бульбы“? <...> Гораздо снисходительнее Мериме к повести „Вий“, но от подробного разбора ее он уклоняется с истинно французскою легкостью». ⁶⁵

Григорьев опирался приблизительно на тот же круг произведений Гоголя, что очертил Тургенев перед Леонтьевым. В последнем случае статья Мериме могла оспариваться Тургеневым прямо или косвенно. Возможно, этим также обусловлен дальнейший интерес Леонтьева к имени и взглядам французского писателя. ⁶⁶

⁶¹ ПССыП(2). Письма. Т. 2. С. 122—123. Подлинник по-франц. Как верно отмечено в комментариях к письму, «поверхностную и неверную оценку Гоголя с радостью подхватил Ф. В. Булгарин, развил ее в двух статьях „Северной пчелы“ <...>, а также в статье, посвященной выходу „Московского сборника“, где была помещена статья И. С. Аксакова, посвященная памяти Гоголя <...>» (С. 462).

⁶² Цит. по: Сев. Пчела. 1851. № 283. [С. 1129 паг.].

⁶³ Финский Вестник. 1846. Т. 9. [Отд.] V. С. 26.

⁶⁴ Г<ригорьев Ап.>. Статья Проспера Мериме о Гоголе, в «Revue des Deux Mondes» // Москв. 1851. № 24. Кн. 2. С. 608.

⁶⁵ Там же. С. 611, 612.

⁶⁶ О значимости авторитета Мериме для Леонтьева говорит то, что весной 1867 г. уже сложившийся писатель вступил с Мериме в переписку, надеясь заинтересовать его своей

В перспективе Леонтьев, определяя свое отношение к Гоголю, своеобразно использовал идею двойственности его дара.

Как отметил Ю. П. Иваск, в конце 1850-х годов «Леонтьеву нравился Гоголь — романтический сказочник, а не Гоголь — „родоначальник натуральной школы”». ⁶⁷ Создавая же мемуарный очерк «Моя литературная судьба. 1874—1875 года», Леонтьев осудил «всех наших писателей» за «их ложный, отрицательный взгляд на жизнь, их противные реалистические подробности», что он связывал с влиянием Гоголя. ⁶⁸ В «Анне Карениной» Л. Н. Толстого автор усмотрел «вовсе ненужные и противные выходы, от которых никто из наших писателей со времен Гоголя избавиться вполне не мог. <...> их можно простить за дивную художественность и поэзию всего остального. Но чтобы вполне понять, о чем я говорю, стоит только перечесть эти прославленные „Записки охотника” и для контраста отрывки из писателей, не испорченных Гоголем. — Хотя бы „Капитанская дочь” Пушкина <...>». ⁶⁹

Итак, поздний Леонтьев осудил даже «Записки охотника», из-за которых он некогда рассорился с Георгиевским и заниженную оценку которых не принял у Григорьева. Леонтьев противопоставил Гоголю и Тургеневу «Капитанскую дочку» Пушкина, «Страдания юного Вертера» Гёте, «Историю кавалера де Грие и Манон Леско» А.-Ф. Прево д'Экзиля, «Рене» Ф.-Р. Шатобриана и французский «прозаический перевод „Чайлд-Гарольда”», выполненный А. Пишо. Из русских писателей в этом ряду упомянуты также ранняя Марко Вовчок и Н. Кохановская. Последнюю Леонтьев ценил за «содержание в высшей степени положительное и выражение пылкое, гететическое, восторженное (у Гоголя есть это в „Риме” и в „Тарасе Бульбе”»». ⁷⁰

Но беседы о Гоголе, описанные в очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.», были посвящены не только эстетическим проблемам. По свидетельству Леонтьева, «Тургенев повторил также одобрительно мнение Герцена о том, что „Гоголь бессознательный революционер”, потому что он изображает русскую жизнь с самой пошлой, возмутительной точки зрения... Одобрял впрочем он Герцена <...> не в смысле *политическом*, не в смысле какого-нибудь прямого сочувствия или коренным реформам, или народным восстаниям, а только в том смысле, что Герцен верно понял *тот род влияния*, который <...> могут иметь сочинения Гоголя, независимо от собственной воли автора и неожиданно для его сознания. Эта мысль, совершенно для меня новая, изумила меня, но как-то *неубедительно* <...>». ⁷¹

прозой. См.: Леонтьев К. Избранные письма. 1854—1891 / Публ., предисл. и коммент. Д. А. Соловьева. СПб., 1993. С. 47—50; Леонтьев. Т. 2. Коммент. С. 452.

⁶⁷ Иваск. С. 285. В повести Леонтьева «Второй брак» (1860) главный герой, композитор Герсфельд, использует сюжет «Тараса Бульбы» для своей оперы (Леонтьев. Т. 1. С. 285—286).

⁶⁸ Леонтьев. Т. 6. Кн. 1. С. 126, 127.

⁶⁹ Там же. С. 127.

⁷⁰ Там же. С. 127—128.

⁷¹ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 108.

Леонтьев не принял подобные интерпретации в силу своих взглядов на общественную жизнь. По его словам, «слишком многое мне в этой окружающей меня русской жизни нравилось, чтобы я мог желать в то время каких-нибудь коренных перемен; я хотел только, чтобы помещики и чиновники были к простолюдинам как можно добрее и больше ничего; о *государственных же собственно* вопросах я и не размышлял в эти года; я даже вовсе тогда не понимал их и не искал понимать, сводя все на вопросы или личного счастья, или личного достоинства, или на поэзию встреч, борьбы, приключений и т. д.»⁷² «В этом смысле, — продолжал Леонтьев, — я и на революции в чужих странах смотрел не как на *перестройку* обществ, а только <...> со стороны их *драматизма*, поэтому я и поэзию находил, где придется, и *в той, и в другой партии*, смотря по человеку и по обстоятельствам».⁷³ Конечно, такая позиция в начале 1850-х годов способствовала политическому самоопределению будущего дипломата и консервативного публициста.⁷⁴

И все же, до начала Крымской войны, куда Леонтьев направился добровольно, его интересы были связаны прежде всего с чисто литературным творчеством, а не с общественными проблемами.

В 3-й главе очерка «Мои дела с Тургеневым и т. д.» Леонтьев описал свой первый духовный кризис. О его причинах мемуарист высказался четко: «Я думаю, что в развитии каждого художника бывают попеременные искажения и возрождения. После 52-го года именно, я думаю, на меня нашел период искажения. Меня ничто не удовлетворяло в моем творчестве. Раз излив свои страдания и свои мечты об успокоении, я уже не знал, что бы мне выдумать *поглубже*, позамысловатее. Вероятно, и влияние реальной науки было здесь очень сильно. Я искал — то каких-то необычайно тонких и глубоких открытий в искусстве, какой-то микроскопической и философской бездонности; то гнался за слишком уже яркой образностью и картинностью. Вкус теоретический у меня развивался; я много читал хорошего тогда в свободные минуты; но творчество положительно дремало».⁷⁵

За пределами самовыражения молодой Леонтьев склонен был трактовать творчество как изощренный вымысел, которому подчинена даже «реальная наука». Тогда мемуарист на время оставил литературу и начал «больше заниматься медициной». Тургенев же старался навести Леонтьева на путь осторожного, поступательного развития. И с этой

⁷² Там же. С. 108—109.

⁷³ Там же. С. 109.

⁷⁴ С точки зрения Ю. П. Иваска, Леонтьев «даже не вполне уяснил» смысл оценки Голя как «бессознательного революционера». «Не понимал он (Леонтьев. — С. Д.) и крипторевolutionных призывов Белинского, которыми тогда очень увлекался. Но, видно, как и очень многих, его подавляла скука последних лет николаевского царствования» (Иваск. С. 276). Впрочем, эволюция политических взглядов Леонтьева в сторону консерватизма к началу 1860-х гг. и его связи с кругом Достоевского свидетельствуют об обратном.

⁷⁵ Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 124.

целью будил в нем самокритичность, сурово отзываясь и о себе как о писателе.

Вновь обратимся к изложению Леонтьева: «Тургенев, который видался со мной раза два в год до самой Крымской войны, часто повторял мне, чтобы я не *спешил печатать*, что он за счастье счел бы уничтожить некоторые прежние свои повести и стихи. Что прежде тридцати лет редкий писатель произвел истинно хорошие вещи. Он говорил еще, что надо метить как можно выше, что хотя никто из нас не может знать — выйдет ли из него Гёте или Шекспир, но надо стараться, надо претендовать и потому надо быть и строгим к себе, и смелым».⁷⁶

Известно, что в 1852 году Тургенев работал над предисловием к отдельному изданию «Записок охотника», где полемика с Григорьевым должна была занять существенное место. Текст предисловия утрачен. Ближайшим поводом к его созданию был отрицательный отзыв Григорьева на рассказ Тургенева «Три встречи» (*Москв.* 1852. № 5. Кн. 1. Отд. V).⁷⁷ Характерно, что этот рассказ не вошел в «Записки охотника». По разным причинам предисловие не было напечатано. Может быть, здесь сыграл роль Е. М. Феоктистов, который в письме к Тургеневу от 24 марта (5 апреля) 1852 года заметил: «Не Вам вступать в полемику с полоумным Григорьевым за его нелепые и глупейшие критики. Ведь нападение его на Вас по поводу „Трех встреч“ только глупо и едва ли оскорбительно».⁷⁸ Все сказанное подтверждает, что Тургенев в первой половине 1850-х годов вырабатывал позицию относительно «критик» Григорьева. Свидетельства о ней содержатся в леонтьевской мемуарной прозе.

В очерке «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» Леонтьев писал о Тургеневе: «Строгость его к другим выкупалась <...> строгостью его отзывов и о собственных произведениях <...>».⁷⁹ Ссылаясь на П. Н. Кудрявцева, Леонтьев привел высказывание Тургенева о Григорьеве как об «огромном складе сведений и мыслей, без всякого регулятора». Следом воспроизведена реплика Тургенева: «Я ужасно люблю тех, которые меня бранят; — Ап. Григорьев только исключение; — он меня бранит — и я его ненавижу...». Комментарий Леонтьева таков: «Боюсь, что в этом причудливом отзыве баловня судьбы и общественного вкуса крылось тайное сознание того, что из немногих порицателей его только один Григорьев был прав».⁸⁰

⁷⁶ Там же. С. 124—125.

⁷⁷ См.: *Назарова Л. Н.* К вопросу об оценке литературно-критической деятельности Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 165—166.

⁷⁸ Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Часть I. (21 февраля 1851—29 марта 1852) / Публ. Э. Р. Гайнцевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 211. На взгляд публикатора, «полемику Тургенева вызвала прежде всего вся совокупность выступлений А. Григорьева о „Записках охотника“ на страницах „Москвитянина“» (Там же. С. 212).

⁷⁹ *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 1. С. 8—9.

⁸⁰ Там же. С. 9.

Проблема вновь была освещена в очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.». Там Леонтьев проследил судьбу значимого термина из статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году». Речь идет о термине «новое слово». Мемуарист связал его с замечанием Тургенева: «Этот бедный Аполлон Григорьев все ищет *нового слова*. Он мне ужасно нравится за то, что он меня терпеть не может и бранит мои вещи за многое очень основательно. Ни от меня, ни от Писемского, ни от Гончарова он *нового слова* не дождется. Его могут сказать только двое молодых людей, от которых можно многого ожидать... Лев Толстой и вот этот...». При последних словах Тургенев указал на Леонтьева.⁸¹

Тургенев мог таким образом отозваться на стихотворный памфлет Григорьева «Искусство и правда» (впервые: *Москв.* 1854. № 2). В нем Григорьев высоко судил об Островском: «И новое сказал он слово, // Хоть правде старой послужил».⁸² При этом Тургенев отметил сквозной характер термина «новое слово» («все ищет»).

Таким образом, у молодого К. Леонтьева были все основания описать себя в качестве перспективного дебютанта. Он заслужил внимание крупнейшего русского прозаика и соответствовал, по его собственному убеждению, надеждам критика, противостоявшего Тургеневу как последователю Гоголя. Это лишний раз убеждает, насколько непростым было переплетение тем, затронутых Леонтьевым-мемуаристом.

В своих воспоминаниях, носивших ярко выраженный автобиографический характер, Леонтьев воссоздавал как свои личные стремления, так и сюжеты литературной жизни 1840-х—50-х годов. Эти сюжеты были связаны со сложными, не всегда очевидными идейными эволюциями. Благодаря последним обществу вырабатывало понятия о взглядах и манере писателей, о достоинствах и недостатках произведений, наконец, о том, какой должна быть полноценная литература.

Мемуарная проза Леонтьева знает известных (Тургенев, Григорьев, Боткин и др.) и рядовых (Георгиевский) носителей подобных понятий. Степень влияния каждой из этих фигур на автора была, впрочем, неоднородной, хотя путь Леонтьева в целом отмечен сильными воздействиями извне. Но Леонтьев никогда не удовлетворялся ролью слушателя. «Попеременные искажения и возрождения» привели его к неожиданным поворотам судьбы и, как следствие этого, к своеобразной роли в истории русской литературы и общественной мысли.

⁸¹ Леонтьев. Соч. (9). С. 133—134.

⁸² Григорьев А. Стихотворения. Поэмы. Драммы / Вступит. ст., сост., подг. текста и примеч. Б. Ф. Егорова. СПб, 2001. С. 113. См. также примеч. на с. 702—705. Указанное допущение позволяет датировать описанную Леонтьевым сцену и его встречу с Тургеневым в Москве маем 1854 г. (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 264). Однако в «Моих делах с Тургеневым и т. д.» (Леонтьев. Соч. (9). Т. 9. С. 133—134) сам Леонтьев связывает ту же сцену с пребыванием Тургенева в Москве зимой 1853 г., когда Тургеневу «позволено было возвратиться в столицу» из ссылки. Возможно, мемуарист подразумевал встречу между 3 (15) и 9 (21) декабря 1853 г., не отмеченную в *Летописи (1818—1858)*. См.: Леонтьев. Т. 6. Кн. 2. Комментар. С. 286—287.